

М. М. Бахтин на фоне философии экзистенциализма

© 2021 А. А. Сычев

*Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Статья представляет собой размышления о книге Н. К. Бонецкой «Русский экзистенциализм» (2021), где в качестве одного из ключевых представителей экзистенциальной философии (наряду с Л. И. Шестовым и Н. А. Бердяевым) рассмотрен и М. М. Бахтин. Автор полагает, что, хотя экзистенциальные мотивы в творчестве Бахтина так же, как и влияние на него С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского, очевидны, его сложно отнести к представителям именно экзистенциализма. Одна из составляющих феномена Бахтина, как представляется автору, выражается в том, что его труды дают возможность для интерпретации этого мыслителя с различных теоретических позиций, но при этом ни к одной из этих позиций его свести нельзя. Соглашаясь с правомочностью анализа его идей с точки зрения экзистенциальных влияний, следует в то же время понимать, что такой анализ по объективным причинам не может не быть частичным и односторонним.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Н. К. Бонецкая, русская философия, экзистенциализм.

Экзистенциализм возник не в России, но нельзя не признать, что именно здесь он приобрел наиболее узнаваемые черты. Творчески синтезировав концепции С. Кьеркегора и Ф. Ницше с идеями Ф. М. Достоевского, русская мысль на рубеже XIX и XX столетий обозначила ключевые проблемы и модусы существования человека, которые окажутся в центре интеллектуальных споров в Европе и в фокусе интереса западной философии (у М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.) лишь через несколько десятилетий.

В новой книге Натальи Константиновны Бонецкой предлагается многостороннее и подробное обозрение основных концепций ведущих представителей русского экзистенциализма, философских источников их идей и, отчасти, путей воздействия этих идей на последующее развитие отечественной и западной философии.

В монографии приводится анализ творчества трех выдающихся русских мыслителей: Льва Исааковича Шестова (1866–1938), Николая Александровича Бердяева (1874–1948) и Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975). При этом, если Шестова и Бердяева традиционно относят к экзистенциальному направлению русской философии, и никаких возражений эта атрибуция не вызывает, то фигура Бахтина в этом ряду выглядит далеко не такой однозначной. С одной стороны, экзистенциальные мотивы в творчестве Бахтина очевидны и существует достаточно обширная литература, в которой проводятся параллели между его философией и теориями другими видными представителями экзистенциализма [4, 5 и др.]. Не менее очевидны влияния на него тех же С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского (с творчеством которых, по собственным рассказам, он был прекрасно знаком с детства [1]). Однако, с другой стороны, Бахтин примерно с той же долей уверенности можно отнести, например, и к представителям философии жизни в ницшеанском ее варианте, марксистского направления, русской религиозной философии Серебряного века и даже тех концепций (в особенности постмодернистской направленности), которые сформировались уже после написания его работ. При этом не все из этих образов ученого сочетаются с духом экзистенциализма. Одна из составляющих феномена Бахтина, как представляется, выражается в том, что его труды дают возможность для интерпретации этого мыслителя с различных теоретических позиций. В этом смысле

его сложно признать именно экзистенциалистом (структуралистом, марксистом и т. д.). Однако нельзя не согласиться и с правомерностью анализа его идей с точки зрения экзистенциальных влияний (понимая, в то же время, что такой анализ по объективным причинам будет частичным и односторонним).

В книге Н. К. Бонецкой три раздела, каждый из которых посвящен творчеству одного из русских экзистенциалистов. В первом разделе представлен анализ философии Льва Шестова. Автор сначала выявляет влияние идей Ницше на концепцию Шестова, затем анализирует особенности его методологии (основой которой она называет герменевтику), рассматривает богословские идеи и завершает обзор разбором шестовской философии бунта против «самоочевидностей», «вечных истин», «всемства» и «синтетических априорных суждений» [3, с. 159].

Бонецкая показывает, что экзистенциализм Шестова отличает попытка самопонимания с опорой на позицию другого. Она отмечает: «В духе Бахтина, можно было бы сказать, что в герменевтической истине звучат два голоса – автора текста и его интерпретатора, – что эта истина диалогизирована» [3, с. 53].

Анализируя произведения Ницше, Кьеркегора, Достоевского, Толстого и многих других, Шестов использует их слова и идеи, прежде всего, для того, чтобы выразить собственный опыт. Говоря словами Бердяева, он «шестовизирует» героев своих текстов, т. е. авторски переосмысливает так, что от оригинальных смыслов их произведений остается не так уж и много. Более того, Шестов нередко интерпретирует чужие идеи (если те не вписываются в его понимание проблемы) в духе, полностью противоположном оригинальному, объясняя нестыковки с помощью достаточно изощренной софистики. В этом сочетании герменевтики и софистики и состоит, по мнению автора, основа методологии Шестова. При этом характерной особенностью этой методологии является попытка столкнуть двух разных авторов (в их числе Толстой и Ницше, Кьеркегор и Достоевский и многие другие). Бонецкая пишет: «Шестовский „герменевтический круг“ можно уподобить двум зеркалам, наведенным друг на друга, создающим эффект взаимообуславливающих бесконечностей» [3, с. 78]. Нельзя сказать, что такая диалогизирующая методология позволяет хорошо понять идеи исследуемого автора (нередко она их искажает до неузнаваемости), но определенно она способствует выявлению неожиданных параллелей, не лежащих на поверхности характеристик, которые без сопоставления разных авторов не были бы столь явными. Нужно отметить, что, хотя Бонецкая достаточно критически относится к опыту прочтения Шестовым своих предшественников, сама она нередко использует схожие диалогические приемы, например, сопоставляя в своей книге Шестова и Ницше, Бердяева и Штейнера, Бахтина и Сартра и интерпретируя их в авторском ключе.

Ярче всего личная позиция автора проявляется во втором разделе, который симптоматически называется «Мой Бердяев». Этот раздел, кроме того, наиболее объемный.

Экзистенциализм Бердяева показан как своеобразный результат его вступления в диалог идей Ницше и Соловьева: «Бердяевский „творческий человек“, действительно, со стороны религиозно-метафизической, восходит к онтологии человека в „теософии“ Соловьева... Но одушевляющий его пафос „созидания“ (а прежде – разрушения), установка на „переоценку“ старых и создание новых ценностей, очевидно, созвучны воззрениям Ницше» [3, с. 211].

В разделе, помимо ницшеанских и софиологических истоков бердяевской философии творчества, рассмотрена тема революции в соотношении с творчеством мыслителя, проводится сопоставление русского экзистенциализма и антропософии и, соответственно, Бердяева и Штейнера. Бонецкая здесь рассматривает Бердяева не столько как философа свободы, сколько как мистика и гностика. При этом многие из поднимаемых ею проблем, прежде всего, гностицизм Бердяева (или, скорее, его неогностицизм), настолько подробно историками русской философии ранее не анализировались.

Третий раздел более эссеистичен. Он стилизован под произведение эпистолярной

формы (в духе «Философических писем» Чаадаева) и более разнообразен по содержанию, чем два предыдущих. Здесь опять же предлагается «двойная герменевтика», с помощью которой сравниваются Шестов и Бердяев, Шестов и Камю, Бердяев и (опять же) Штейнер, наконец русский экзистенциализм и антропософия.

Три главы (точнее, письма) раздела посвящены философии М. Бахтина. Они имеют такие заглавия: «М. Бахтин и Ж.-П. Сартр: две „прозаики“», «М. Бахтин и философия Серебряного века» и «Н. Бердяев и М. Бахтин о Достоевском». Хотя совокупный объем этих текстов сравнительно невелик, Бахтин все же показан как фигура, сопоставимая по величине со своими предшественниками в пространстве экзистенциальной философии (особенно если рассматривать эти главы в контексте монографии Бонецкой о Бахтине [2]).

Автор пишет о месте Бахтина в философии так: «К русским экзистенциалистам я отношу и Михаила Бахтина. Если экзистенциалистом называют создателя диалогической философии Мартина Бубера, то почему не счесть за такового и русского диалогиста Бахтина...? В триумvirате русских экзистенциалистов Бахтин присутствует в качестве равноправного члена» [3, с. 10].

Более того, эта фигура оказывается вполне сопоставимой не только с Бердяевым и Шестовыми, но и с более поздними (и часто очень влиятельными) представителями мирового экзистенциализма. Так, вполне правомерно сближение Бахтина с Сартром. В некоторых моментах они настолько близки, что высказывания одного можно принять за высказывания другого. Учение о свободном поступке как онтологическом основании существования человека, модусах отношения «я» и «другого», сущности индивидуальной ответственности настолько близки по критическому духу, что раннего Бахтина (прежде всего, его нравственную философию) вполне можно читать и понимать через призму Сартра [см: 6]. С другой стороны, между «Бытием и ничто» и «К философии поступка» существуют и принципиальные различия. Самое яркое и очевидное – в трактовке любви. Если Бахтин объявляет ее основой своей нравственной философии, то Сартр сводит любовь к обладанию и присвоению и, в пределе – к отношениям садизма и мазохизма. Впрочем, и здесь при желании можно усмотреть близость идей Сартра и позднего Бахтина – автора концепции карнавала. По мнению Бонецкой, карнавальность с ее крайней телесностью, амбивалентностью, увенчаниями-развенчаниями вполне можно интерпретировать в духе Сартра.

В письмах о Бахтине впервые подробно рассматривается генетическая связь наследия Бахтина с религиозной философией Серебряного века. В сущности, полагает Бонецкая, все основные идеи Бахтина можно рассматривать как секуляризованную интерпретацию базовых идей, определивших дух этого периода. «Человек – носитель „тайной свободы“ (Блок), образ Божий, у Бахтина смиряется до субъекта этического поступка. Загадочный соловьевский андрогин распадается, после чего эти еще платоновские „половинки“ яйца, разрезанного волосом (см. «Пир»), вступают в незавершимый, „по последним вопросам“, диалог. Наконец, Церковь Христова – а это средоточие интереса Серебряного века – у философского футуриста Бахтина подменяется мистическим организмом карнавала, способного, с помощью дрожжей материализма и относительности, превратить мир в „веселую преисподнюю“» [3, с. 607]. Базовые концепции Бахтина, таким образом, оказываются вариациями на тему мифологем Серебряного века.

Рассматривая интерпретации Достоевского Бердяевым («Откровение о человеке в творчестве Достоевского», «Миросозерцание Достоевского») и Бахтиным («Проблемы поэтики Достоевского»), автор выдвигает тезис о том, что Бахтин в своей теории полифонического романа предлагает формализацию содержательной трактовки творчества Достоевского, ранее предпринятой Бердяевым (как, впрочем, и другими представителями Серебряного века). Более того, переработка книги «Проблема творчества Достоевского» в духе «карнавализации» также рассматривается как своеобразная интерпретация Бердяева, который полагал, что духовный мир героев Достоевского есть, в сущности, ад. Этот ад, по

мнению Бонецкой, вполне соотносим с «карнавальной преисподней» позднего Бахтина.

Интересна идея о том, что ключом к пониманию бахтинского диалогизма и полифонии может служить феномен круга Бахтина – дружеского философского кружка, разрешавшего в спорах «последние философские проблемы мироздания», где сам Бахтин исполнял роль Сократа.

Монография Бонецкой – не только и не столько историко-философское описание базовых идей русского экзистенциализма, сколько поиск новых ракурсов рассмотрения экзистенциальных идей в процессе их рецепции и творческой интерпретации. Особенностью монографии является достаточно четко выраженная авторская позиция: она оценивает своих героев и полемизирует с ними. Я бы не согласился, например, с однозначно негативно-эмоциональной позицией Бонецкой по поводу карнавала или излишней эстетизацией этики Бахтина. Однако нельзя не признать, что вне такой четкой позиции предлагаемые автором объяснительные модели потеряли бы свою целостность, а многие интересные идеи попросту остались бы незамеченными. Книга провоцирует к размышлениям, а некоторые ее части требуют дополнительного, «второго» (более медленного и вдумчивого) чтения. Как обещает автор, «это поможет нам преодолеть собственное убожество. Можно надеяться, что так, мало-помалу, мы поднимемся к тому уровню, которого русская мысль уже достигла полтора века тому назад».

1. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М. : Новости, 1996. 378 с.
2. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 560 с.
3. Бонецкая Н. К. Русский экзистенциализм. СПб. : Алетейя, 2021. 670 с.
4. Ватолина Ю. В. М. М. Бахтин и Ж.-П. Сартр: «я» / другой, границы рефлексии // Хора. 2010. № 1/2 (11/12). С. 101–111.
5. Зиновьева А. А. Особенности рассмотрения проблемы другого в экзистенциализме: М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин // Обществ. науки. 2011. № 7. С. 137–145.
6. Сычев А. А. Этика норм и философия поступка // Гуманитар. ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 2 (30). С. 121–129.

Mikhail Bakhtin in the context of existentialist philosophy

© 2021 A. A. Sychev

*Andrey A. Sychev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of
Philosophy at the Mordovia State University.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The article is a reflection on the book by N. K. Bonetskaya «Russian Existentialism» (2021), where M. M. Bakhtin (along with L. I. Shestov and N. A. Berdyaev) is interpreted as one of the key representatives of existential philosophy. The author believes that, although the existential motives in Bakhtin's work, as well as the influence of S. Kierkegaard, F. Nietzsche and F. M. Dostoevsky on him, are obvious, it is difficult to attribute him only to the representatives of existentialism. One of the components of Bakhtin's phenomenon, as it seems to the author, is expressed in the fact that his works make it possible to interpret this thinker from various theoretical positions, but at the same time, he cannot be reduced to any of them. While agreeing with the legitimacy of analyzing his ideas from the point of view of existential influences, one should understand, at the same time, that such an analysis, for objective reasons, would always be partial and one-sided.

Key words: M. M. Bakhtin, N. K. Bonetskaya, Russian philosophy, existentialism.

1. Besedy V. D. Duvakina s M. M. Bakhtinym. M. : Novosti, 1996. 378 s.
2. Bonetskaya N. K. Bakhtin glazami metafizika. M. : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 560 s.
3. Bonetskaya N. K. Russkiy ekzistentsializm. SPb. : Aleteyya, 2021. 670 s.

4. *Vatolina Yu. V.* M. M. Bakhtin i Zh.-P. Sartr: «ya» / drugoy, granitsy refleksii // *Khora*. 2010. № 1/2 (11/12). S. 101–111.

5. *Zinov'eva A. A.* Osobennosti rassmotreniya problemy drugogo v ekzistentsializme: M. Khaydegger, Zh.-P. Sartr, M. M. Bakhtin // *Obshchestvennye nauki*. 2011. № 7. S. 137–145.

6. *Sychev A. A.* Etika norm i filosofiya postupka // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2019. № 2 (30). C. 121–129.